

Прошлое Сибири.

(Потребность въ изученіи его).

„Не жалѣйте того, кто занимается этимъ, повидимому, сухимъ трудомъ (работа въ архивахъ) и черезъ то лишаетъ себя житейскихъ наслажденій. Правда, эти бумаги мертвы; но въ нихъ тлѣетъ остатокъ жизни. Смотрите пристальнѣе, — изъ нихъ возрождается жизнь столѣтій“.

Леопольдъ фонъ-Ранке.

Въ 50-хъ и 60-хъ годахъ только что пережитого нами XIX столѣтія, въ русской исторической наукѣ наблюдается новое теченіе мысли и стремленіе возможно ближе и глубже изучить, почти еще неизслѣдованную, сторону того историческаго процесса, который создалъ въ XVI вѣкѣ объединенное изъ великокняжескихъ удѣловъ Московское царство, выдвинувши вмѣстѣ съ нимъ въ первую очередь созидательной и централизующей государственной работы сѣверо-восточное великорусское племя, господство котораго и начинается съ этого новаго „послѣтатарскаго“ объединительно-собирательнаго періода исторіи Московской Руси.

Это новое направленіе въ исторической наукѣ коснулось, главнымъ образомъ, изученія внутренней, такъ сказать, народной стороны вопроса, его этнографическихъ и чисто мѣстныхъ бытовыхъ особенностей старой русской федеративно-областной жизни.

Представителями такого новаго направленія въ русской исторической наукѣ, которое можно было бы назвать этнографическо-областнымъ, выступили наши извѣстные историки: Костомаровъ, Буслаевъ, Кавелинъ и особенно Щаповъ и Забѣлинъ.

Эти корифеи русской исторіи стали указывать на настоятельную необходимость, для пониманія основныхъ историческихъ свойствъ русскаго народа вообще и русскаго государства въ частности, обратить прежде всего особенное вниманіе на изученіе мѣстныхъ народныхъ свойствъ нашего постепеннаго историческаго развитія.

Предлагаемый ими новый методъ историческаго изслѣдованія можно было бы назвать „областнымъ, колонизаціонно-географическимъ“ или же „естественно-федеративнымъ“.

„Только подробнымъ осмотромъ и разслѣдованіемъ мѣстныхъ областныхъ памятниковъ отжившаго быта,—говоритъ историкъ Забѣлинъ¹⁾—мы достигнемъ возможности выяснить себѣ наши областныя исторіи, а вмѣстѣ съ ними и главный существенный вопросъ нашего современнаго сознанія, который неумолкаемо слышится въ каждомъ испытывающемъ русскомъ умѣ, именно вопросъ о томъ, въ чемъ истинный разумъ, и въ чемъ истинная сила русской жизни, въ чемъ существо русской народности. Теперешнимъ ходомъ нашей внутренней жизни мы поставлены въ рѣшительную необходимость знать это не на словахъ, а на самомъ дѣлѣ... Трудно дѣлать дѣло, и особенно народное дѣло, когда не сознаешь вполне, въ чемъ его истина и гдѣ его ложь. А такое сознаніе только и можетъ дать народная исторія. Безъ точнаго знакомства съ мѣстными особенностями нашей исторической жизни и наше плаваніе по жизненной исторической нашей рѣкѣ будетъ если не опасно, то трудно, тягостно, и можетъ потребовать излишнихъ напрасныхъ усилій, напрасной траты времени и народныхъ дарованій. Мы должны хорошо и въ подробности знать—откуда мы плывемъ, гдѣ и куда плывемъ... Мы вообще думаемъ, что до тѣхъ поръ, пока областныя исторіи съ ихъ памятниками не будутъ раскрыты и подробно разсмотрѣны, до тѣхъ поръ всѣ наши общія историческія заключенія о существѣ нашей народности и ея различныхъ историческихъ и бытовыхъ проявленій будутъ голословны, шатки, даже легкомысленны“.

Другой нашъ историкъ-сибирякъ по происхожденію—А. П. Щаповъ²⁾, занимавшій въ 60-хъ годахъ кафедру русской исторіи въ Казанскомъ университетѣ, говоритъ, что „Русская исторія, въ самой основѣ своей, есть, по преимуществу, исторія различныхъ

¹⁾ Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи; т. II, стр. 108—109.

²⁾ Первый шагъ „Сборникъ“. Казань. 1876 г. стр. 407—412; „Отечественныя записки“ за 1861 годъ, № 10-й, стр. 579—586.

областныхъ массъ народа, исторія постояннаго территориальнаго устройства, разнообразной этнографической организаціи, взаимодѣйствія, борьбы, соединенія и разнообразнаго политическаго положенія областей до централизаціи и послѣ централизаціи. Только въ русской исторіи вы встрѣтите своеобразное, территориальное и этнографическое самообразование областей путемъ колонизаціи. Разнообразныя областныя лѣтописи долго будутъ повѣствовать намъ про вѣковую, особую самобытность, раздѣльную жизнь и взаимную борьбу областей... Областной элементъ былъ самымъ жизненнымъ, господствующимъ, началомъ, главнымъ мотивомъ историческаго движенія до централизаціи... и мы, изучая русскую исторію, оставляемъ почти безъ вниманія этотъ областной элементъ, сколько загадочный, столько же, быть можетъ, зыждительный, плодотворный элементъ нашей будущей цивилизаціи. Русская исторія, основанная только на идеѣ централизаціи, исключая идею областности, есть то же, что отрицаніе существеннаго жизненнаго значенія областей, какъ разнообразныхъ органовъ въ составѣ и развитіи цѣлаго политическаго организма—русскаго народа. А кто не знаетъ, что безъ знанія устройства и отправленій различныхъ отдѣльныхъ органовъ тѣла нельзя понять жизни и отправленій цѣлаго организма.

„Такъ точно и безъ знанія разнообразной историческо-этнографической организаціи, характера, понятій, возрѣній, вѣрованій, сочувствій и антипатій областныхъ массъ народныхъ невозможно полное и отчетливо ясное пониманіе русской исторіи. Невозможно тѣмъ болѣе, что слишкомъ многосложенъ историко-этнографическій строй нашихъ многочисленныхъ и обширныхъ областей...

„Особенно же въ наше время наукъ русской исторіи необходимо, существенно необходимо, уяснить исторію, духъ, характеръ и этнографическія особенности различныхъ областныхъ массъ народныхъ. И весьма утѣшительно, что въ послѣднее время ¹⁾ кажется, и въ самыхъ провинціяхъ стала пробуждаться потребность самосознанія. По крайней мѣрѣ, отрадное явленіе представляютъ мало-по-малу возникающіе въ нашей литературѣ областныя сборники, историко-

¹⁾ Нужно помнить, что это говорилось и писалось Щаповымъ въ началѣ 60-хъ годовъ XIX ст., когда дѣйствительно было замѣтно пробужденіе умственной жизни и на нашихъ окраинахъ, въ томъ числѣ и въ Сибири, но, къ сожалѣнію, этотъ подъемъ духовно-умственной дѣятельности сибирскаго общества продолжался недолго и вновь уступилъ мѣсто застою и равнодушію къ умственнымъ запросамъ времени.

этнографическія описанія губерній и провинцій и изданія областныхъ актовъ и памятниковъ. Областные сборники могутъ служить не только руководствомъ нашего областного самопознанія, но и органами возбужденія въ провинціальныхъ массахъ идеи политическаго самосознанія и саморазвитія въ составѣ цѣлаго государства“...

Если на окраинахъ Европейской Россіи, за послѣднее 25-ти-лѣтіе, быть можетъ, дѣйствительно пробудилось общественное самосознаніе и выработалась уже потребность въ изученіи нашихъ окраинныхъ провинцій не только въ географическо-статистическомъ отношеніи, но и въ отношеніи изслѣдованія ихъ историческаго прошлаго, за то наша обширная Сибирь, хотя и встряхнулась уже отъ вѣковой своей спячки и вступила на новый путь культурно-экономическаго развитія, но все же до полнаго ея пробужденія, я думаю, остается еще много времени.

Сибирякъ по рожденію и воспитанію, извѣздившій Сибирь въ разныхъ направленіяхъ и, насколько было возможно, изучившій многое изъ ея прошлаго и настоящаго, я думаю, что и теперь еще, въ извѣстномъ отношеніи, не потеряли своего значенія и смысла слова, съ которыми въ № 1-мъ газеты „Сибирь“ за 1878 годъ, въ передовой статьѣ, ея редакторъ и извѣстный сибирскій дѣятель М. В. Загоскинъ обращался къ дремавшему тогда инертному сибирскому обществу: „кто разбудитъ это спящее царство? Откуда раздастся звонъ и громъ, способные прервать этотъ вѣковой сонъ? Жизнь не ждетъ, проходитъ годъ за годомъ; одно поколѣніе смѣняетъ другое. И все тотъ же мертвенный сонъ, все такъ же, какъ инфузоріи въ стоячей водѣ, копошатся люди въ темномъ житейскомъ омутѣ, ни о чемъ не помышляя, только борясь и поѣдая другъ друга въ жалкой борьбѣ за существованіе! Проснитесь: вѣдь этотъ сонъ можетъ перейти въ смерть; эта глухая борьба можетъ, пожалуй, кончиться истребленіемъ самой человѣческой расы. Слышите ли вы, читатель, хоть отдаленный крикъ пѣтуха, возвѣщающаго зарю дня. Чуете ли вы своимъ сердцемъ приближеніе вѣтра, несущаго весну и благоуханіе. Видите ли вы, въ минуту умственнаго просвѣтлѣнія, признаки пробужденія нашего общества и поворота отъ состоянія нравственнаго застоя къ дѣятельности сознательной и разумной? Тамъ, на западѣ Россіи и Европы, мерцаетъ свѣтъ, обѣщающій людямъ тепло и жизнь. Здѣсь мы не видимъ даже слабаго мерцанія. Достигнетъ ли этотъ свѣтъ до насъ и готовы ли наши свѣтильники, чтобы зажечь ихъ отъ этого свѣта. Понятенъ ли намъ смыслъ этой пѣсни, давно знакомой другимъ народамъ, даже японцамъ: „свѣтъ тихій, свѣтъ науки и просвѣщенія, свѣтъ правды и человѣчности, свѣтъ свободы и самосознанія, приди и вселися въ насъ“.

Дѣйствительность и теперь еще, спустя болѣе 30 лѣтъ послѣ этого призывного набата газеты „Сибирь“, къ сожалѣнію, говоритъ намъ, что современное сибирское, интеллигентное, конечно, общество, въ отношеніи собственнаго самопознанія, слишкомъ еще мало подвинулось впередъ.

Въ особенности же нашей родной Сибири остается многого желать въ отношеніи изученія ея прошлыхъ судебъ, столь къ тому же оригинально-самобытныхъ и отличныхъ отъ прошлаго своей метрополіи.

Слѣдуетъ всегда и прежде всего помнить, что „не въ будущемъ, котораго еще не было, а въ прошломъ скрыты законы нашей жизни“. Поэтому изучать свое прошлое—значитъ изучать самихъ себя.

„Будущее, по словамъ одного нашего современнаго публициста, пока не существуетъ, настоящее мимолетно—его едва успѣваешь разглядѣть,—и въ сущности вся жизнь наша, вся радость, всѣ мечты и очарованія погребены въ прошломъ. Изученіе нашего прошлаго (исторіи) даетъ безкорыстное познаніе, познаніе того, чего уже нѣтъ, но что составляетъ, можетъ быть, самую душу сущаго. Любовь къ родной старинѣ характеризуетъ наиболѣе глубокой и вдумчивый духъ. Современное, текущее, модное, часто, назойливо лѣзетъ намъ въ глаза и засоряетъ голову...

— Уйти куда-нибудь въ тишину, въ молчаніе, въ міръ величавый, когда-то бывшій,—для многихъ просто спасеніе. Многіе еще не знаютъ, что это за прелесть изученіе прѣшлаго (исторіи, археологіи) и до какой страсти можно имъ увлекаться, напримѣръ, изучая коллекцію старыхъ монетъ или трудноразбираемыхъ древнихъ рукописей“.

Исторія вообще, какъ многіе удостовѣряютъ, обладаетъ исключительнымъ свойствомъ вызывать особый трансъ, трансъ ясновидѣнія, отвлеченія души въ другія пространства и другія времена. Не даромъ же лучшимъ развлеченіемъ лучшимъ людей всѣхъ временъ и народовъ были „дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой“.

Извѣстный сибирскій историкъ Петръ Андреевичъ Словцовъ (1767—1843),—„этотъ первый, по словамъ Г. Н. Потанина, будильникъ умственной жизни въ Сибири“, всегда принимавшій близко къ сердцу радости и скорбь родной Сибири, считалъ всегда высокополезнымъ и необходимымъ дѣломъ возобновлять въ памяти новыхъ поколѣній сибиряковъ исторію ихъ угрюмой, далекой и холодной родины,—этой страны человѣческихъ слезъ и страданій.

Говоря объ этомъ, маститый сибирскій историкъ тутъ же, какъ бы, задумывается надъ вопросомъ: да есть ли смыслъ, интересъ и какая-либо надобность изучать исторію „страны не веселой, не знав-

шей мечтаній славы, проявленія генія, побѣдъ, политики, не выдавшей у себя великихъ міра, кромѣ великихъ изгнанниковъ его, не имѣющей яркихъ, величественныхъ памятниковъ и т. п.“¹⁾).

И сейчасъ же на этотъ смущающій его вопросъ „будильникъ умственной жизни Сибири“, съ трогательной задушевностью, даетъ утвердительный отвѣтъ, доказывая, что сибирякамъ давно пора знать свою исторію, которая должна быть „потребностью души ихъ“.

Не забудемъ, что это было писано и говорено Словцовымъ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

Позднѣе, въ 60-хъ и 70-хъ годахъ, среди сибирскаго общества замѣтно было повышенное стремленіе къ умственнымъ запросамъ и интересамъ, выдвинувшее на очередь вопросы духовнаго возрожденія Сибири, ея промышленнаго и экономическаго развитія.

Возникновеніе мѣстныхъ сибирскихъ печатныхъ органовъ, ученыхъ и просвѣтительныхъ кружковъ и, наконецъ, открытіе Сибирскаго университета много подвинули впередъ умственную жизнь этой забытой страны, на благо которой не мало въ свое время поработали позднѣйшіе послѣ Словцова „умственные будильники“ ея, тоже природные сибиряки,—Вагинъ, Загоскинъ, Шашковъ, Шаповъ, Щегловъ, Щукниъ, Ядринцевъ, Потанинъ, Омуревскій, Федоровъ, Наумовъ, Сулоцкій, Знаменскій, Золотовъ, Нестеревъ, Усовъ, Катанаевъ, Голодниковъ, И. Я. Словцовъ и др.

Теперь же, съ проведеніемъ великаго рельсоваго пути, опоясавшаго всю обширную Сибирь отъ Уральскихъ горъ до береговъ Великаго океана, и съ быстрымъ ростомъ промышленно-экономическаго развитія страны, настала, кажется, пора болѣе живой и сознательной работы въ области изученія прошлаго Сибири,—для чего мѣстная сибирская интеллигенція и должна показать примѣръ, выдвинувши впередъ забытое, какъ будто, и даже заброшеное дѣло изученія прошлаго Сибири.

А что оно дѣйствительно заброшено и забыто,—тому служитъ доказательствомъ отсутствіе въ послѣднее время печатныхъ трудовъ по исторіи Сибири, если не считать нѣсколькихъ небольшихъ брошюръ и отдѣльныхъ статей въ запискахъ мѣстныхъ отдѣловъ Императорскаго Географическаго общества (Иркутскаго и Омскаго) и изданій губернскихъ статистическихъ комитетовъ и мѣстныхъ музеевъ.

Пріятное въ этомъ отношеніи исключеніе представляетъ вышедшій осенью 1910 года весьма интересный и довольно солидный

¹⁾ Словцовъ „Историческое обозрѣніе Сибири“, книга I-ая стр. XXI.

историческій трудъ Н. Н. Козьмина—подъ заглавіемъ: „Очерки прошлаго и настоящаго Сибири“.

Эта прекрасная книжка, заключающая въ себѣ предисловіе и семь отдѣльныхъ статей, касается многихъ весьма интересныхъ сторонъ изъ прошлаго и настоящаго Сибири, какъ-то: объ ясакѣ и Государевой пашнѣ въ Сибири XVII-го вѣка; о дѣятельности С. Б. Броневскаго, бывшаго въ Иркутскѣ генераль-губернаторомъ, по его же запискамъ; объ извѣстныхъ сибирякахъ А. П. Щаповѣ и М. В. Загоскинѣ и ихъ научной и просвѣтительной дѣятельности; о кустарной промышленности и, наконецъ, о постановкѣ аграрнаго вопроса въ Иркутской губерніи.

Всѣ эти статьи, богатыя по содержанію, безспорно, заключаютъ въ себѣ весьма цѣнный матеріаль, проливающий свѣтъ на нѣкоторые періоды прошлаго Сибири.

Въ предисловіи къ этой книгѣ авторъ Н. Н. Козьминъ, между прочимъ, высказываетъ надежду, что „очерки эти, несмотря на ихъ отрывочность, быть можетъ, до нѣкоторой степени, послужатъ толчкомъ къ оживленію въ области Сибирскихъ историческихъ изученій“.

Охотно присоединяемся къ пожеланіямъ почтеннаго Н. Н. Козьмина и сердечно желаемъ, чтобы его призывъ къ совмѣстной и дружной работѣ по изученію прошлаго нашей родной Сибири былъ услышанъ тѣми ея сынами, коимъ еще дороги процвѣтаніе и будущность вообще ихъ родины. Будемъ вѣрять и надѣяться, что этотъ призывъ найдетъ послѣдователей, а изданные Н. Н. Козьминымъ „Очерки“—подражателей и продолжателей.

А для такой научно-исторической работы здѣсь въ Сибири дѣйствительно богатый и непочатый уголь!..

У насъ вѣдь до сихъ поръ еще нѣтъ ни одной губернской или областной ученой архивной комиссіи. Самые архивы въ главнѣйшихъ сибирскихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Тобольскѣ, Омскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ, Иркутскѣ, Читѣ, Нерчинскѣ, Якутскѣ, Благовѣщенскѣ, Хабаровскѣ и др., остаются до сихъ поръ необслѣдованными и даже неприведенными въ порядокъ, удобный для научной обработки ихъ матеріаловъ. Многіе же архивы, довольно цѣнные по содержащимся въ нихъ документамъ, хранятся, какъ я знаю, въ полномъ безпорядкѣ, грозящемъ даже уничтоженіемъ многихъ старыхъ актовъ.

Нѣтъ также у насъ какихъ-либо ученыхъ обществъ или организацій, задавшихся цѣлью собиранія и обработки историческихъ архивныхъ матеріаловъ.

Не выходитъ у насъ въ Сибири никакихъ періодическихъ из-

даній, въ которыхъ бы печатались письменные памятники прошлаго Сибири или же статьи монографическаго характера, касающіяся извѣстнаго періода изъ этого прошлаго.

Словомъ, въ настоящее время, кромѣ единичныхъ, часто случайныхъ попытокъ изданія отдѣльныхъ книжекъ и брошюръ, въ родѣ упомянутыхъ „Очерковъ“ Н. Н. Козьмина, Сибирь не имѣетъ ничего цѣльнаго и солидарнаго по своей трехвѣковой исторіи, богатой эпизодами, лицами и фактами, достойными изученія, но бѣдной теперь изслѣдователями и работниками на этой неблагодарной научной нивѣ.

А что же нашъ Сибирскій „свѣтильникъ“ свѣта просвѣщенія, нашъ молодой Томскій университетъ, остается до сихъ поръ, какъ будто, равнодушнымъ къ прошлымъ судьбамъ страны, въ которой онъ призванъ насаждать высшую науку и знаніе?!?

Развѣ не ему, казалось бы, должно принадлежать первое слово, первый призывъ и первый кличъ по всей, изъ края въ край, обширной Сибирской землѣ къ ея сынамъ о совмѣстной научной работѣ на родной исторической нивѣ?!

Думаемъ, что такой призывъ и починъ университета нашель бы живой откликъ среди сибиряковъ и сплотилъ бы многихъ изъ нихъ около этого „разсадника просвѣщенія“ для научной работы въ области историческаго изученія Сибири и этимъ положилъ бы основной камень для новаго хотя, быть можетъ, на первое время и очень скромнаго зданія-храма богини „Кліо Гиперборейской“, для служенія въ немъ на пользу просвѣщенія вообще и изученія Сибирской старины въ частности.

А разъ если бы нашлись такіе работники-жрецы, то, я увѣренъ, найдутся и необходимыя денежныя средства, безъ которыхъ никакое дѣло не можетъ успешно развиваться!

Думаемъ, что и наша родная Сибирь не оскудѣла еще щедрыми жертвователями-патріотами и меценатами, всегда готовыми откликнуться и помочь матеріально всякому доброму и полезному просвѣтительному дѣлу, предпринимаемому на пользу родины, какъ напримѣръ: Сибиряковы, Сукачевы, Молчановы, Щербаковы, Второвы, Макушины, Михайловы, Морозовы, Сыромятниковы, Чукмалдины, Игнатовы, Гадаловы, Деровы, Плещеевы, Мартьяновы и многіе другіе!

Будемъ и мы надѣяться, что на этотъ разъ и нашъ слабый голосъ не останется неслышаннымъ нашими земляками-сибиряками, которые, мы думаемъ, призадумаются хотя нѣсколько надъ этой замѣткой и, быть можетъ, даже удостоятъ ее замѣчаніями, дополненіемъ или развитіемъ проводимой въ ней мысли и т. п.

Мы были бы несказанно рады, если бы настоящая наша замѣтка вызвала въ нашей періодической печати обмѣнъ мнѣній по затронутымъ здѣсь вопросамъ. Это было бы для насъ самая лучшая награда!!

А теперь все же долгъ подсказываетъ намъ сказать здѣсь большое и сердечное спасибо все тому же Н. Н. Козьмину,—изъ первыхъ заговорившему въ наше безвременье громко о необходимости изученія историческаго прошлаго такой обширной и богатѣйшей страны, какъ наша родная, но многострадальная Сибирь!..

Съ легкой руки Н. Н. Козьмина мы, сибиряки, пойдемъ дружно по пути, указанному намъ нашими предками по работѣ на родной нивѣ изученія своей далекой и суровой родины, имена которыхъ я упомянулъ выше въ настоящей замѣткѣ, и тогда, съ чувствомъ собственнаго удовлетворенія, каждый изъ насъ въ правѣ будетъ вспомнить слова Пушкинскаго старца Пимена: „На старости я сызнова живу, минувшее проходитъ предо мною... Давно ль оно неслось, событій полно, волнуясь, какъ море-океанъ“.

Энъ-Пэ.

